

го, скажем, создание жизнеспособных социальных структур на сетевой основе.

Абстрактные «историзм, духовность, обустройство и демократия»¹, равно как и «возрождение утраченных устойчивых высших социальных и духовных начал»² так же мало составляют суть национальной идеи, как некогда выродившиеся «самодержавие, православие, народность». Христос некогда сказал: кто хочет сохранить свою душу, тот ее потеряет, но тот, кто согласен потерять свою душу ради меня, ее сохранит. Точно так же и тот, кто чрезмерно заботится о сохранении национальной идентичности («народной души») и видит только в ней смысл русской идеи, не достигнет цели, которую преследует.

5. Апология здравого смысла: нормативный дискурс Кремля

Закономерно, что в условиях деполитизации, сжатия поля публичной политики и приостановки конкуренции элит для понимания того, что нас ждет в ближайшем будущем, все большее значение приобретают другие тенденции. Речь идет не о тенденциях, наблюдаемых в области институтов, выборов, конфликтов групп интересов, но о трансформациях, связанных со сферой политических идей. Ключевым политическим документом, представляющим реальную интеллектуальную стратегию властного центра, является ежегодное послание Президента России.

Послание создает социальную реальность, конструирует важнейшие различия, цели и идеалы, устанавливает идентичности, которые непосредственно влияют на жизнь всех граждан российского общества. Риторическое пространство посланий представляет собой «лоскутное одеяло», ряд почти не связанных между собой проблемных тем и задач. Президент лишь расставляет контекстуальные смысловые акценты в наиболее актуальных и приоритетных областях российской политики и общества, обозначая, какие цели, ценности и приоритеты предлагаются стране на ближайшие годы. При этом послания скорее следуют тематике сложившейся информационной повестки дня, нежели претендуют на ее формирование. Тем не менее некоторые проблемные темы являются своего рода сквозными кодами, поэтому представляется возможным отследить их смысловую трансформацию в материалах посланий Президента России.

¹ Там же. С. 384.

² Там же. С. 386.

Сверхидея

А.Ф. Лосев писал, что любой нарратив, миф, история, публичная речь как некая история развертывается из Имени или совокупности имен. При этом любой миф в своей сердцевине «есть развернутое магическое имя», ставшее историей¹. По сути, набор имен в каждом послании Президента имеет сверхидею или месседж, остающийся в сухом историческом остатке. На наш субъективный взгляд с точки зрения «остаточной семантической значимости» сверхидеи посланий таковы:

- 2000: Диктатура Закона.
- 2001: Я против передела собственности.
- 2002: Создавать мировые образцы.
- 2003: Удвоение ВВП за 10 лет.
- 2004: Базис демократии построен.
- 2005: Свобода и Справедливость.
- 2006: Рожать и вооружаться.
- 2007: Мегапроекты — приоритетно всё.
- 2008: 5 «И» — интеллект, институты, инвестиции, инфраструктура, инновации.
- 2009: Косметическая модернизация и микрореформы.

В редуцированном виде смысловая динамика сверхидеи посланий представляется следующей: «Добившись соблюдения российской властью собственных законов и сохраняя статус-кво распределения собственности, мы придем к стабильности, которая позволит создавать продукцию мирового уровня, что, в свою очередь, будет стимулировать экономическое развитие страны, которое в качестве побочного, но совершенно неизбежного следствия приведет к торжеству демократии, свободы и справедливости».

Код идеологии

Код идеологии фактически представляет собой язык описания политики, набор универсальных взаимосвязанных ценностей, идей, императивов, используемых Президентом для обозначения своих принципиальных политических позиций. Обычно в тексте послания для обозначения идеологической позиции используются утверждения аксиоматического плана, не нуждающиеся в доказательстве. Любая

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 595.

модерновая идеология является ничем иным как системой взаимосвязанных ценностей. Затруднение Президента при обозначении официальной, государственной идеологии, то есть анонсированных «общих ценностей», которые как бы и «есть», но которых как бы и «нет», знаменательно. Оно указывает, что современная власть не опирается на классические идеологии Модерна, и это является не пороком, но констатацией социального факта. Иными словами, в условиях постмодерна самоочевидное целиком контекстуально и подвижно, сущность зависит от функции, а денотат от коннотации. Динамика трансформации «общих ценностей» в постмодернистском ключе такова, что заставляет задуматься о самой возможности их наличия в современном российском обществе в виде устойчивых и универсальных первоначал. Отсутствие общих ценностей, тех аксиом и принципов, которые не позволяют прерывать общественную самореференцию, чревато постановкой существующих оснований под вопрос, иными словами — революцией.

С другой стороны, искать классические идеологии, отражающие былую реальность трансформирующегося Модерна, возможно, бессмысленно. Это задача позавчерашнего дня, поскольку чистые классические идеологии и утопии (либерализм, консерватизм, социализм, национализм) перестают работать в массово-потребительском обществе, отказавшемся от классовых самоопределений.

Послания — это в первую очередь не идеологическая схоластика, но «апология здравого смысла». Отсутствие в них какой-либо идеологии — либеральной, консервативной, левой или патриотической — лишает идеологическую оппозицию серьезных «зацепок» для принципиальной критики и идеологических дебатов. Дело в том, что из-за сознательной деидеологизации посланий, сформулированных на уровне «здравого смысла», с тем, что в них проговаривается, — преодоление демографического коллапса, отстаивание национальных интересов, борьба с коррупцией, лидерство в мировой энергетике, инновационная экономика и т.д., — трудно не согласиться. Пожалуй, за исключением ежегодной и не дающей реального эффекта критики бюрократии, сложно найти приоритеты, которые могли бы стать полноценной мишенью для недовольства различных политических лагерей. Поэтому послания напоминают план-инструкцию, предельно приземленное «руководство к действию» для вертикали власти всех уровней.

Здравый смысл предстает как ситуативный прагматизм, лишенный идеологичности. Здравый смысл послания объединяет все политические лагеря на уровне своей самоочевидности. Поскольку политические баталии начинаются только там, где есть разногласия в цен-

ностных суждениях, Президент России не призывает ни к мировому торжеству демократии (в отличие, например, от Буша), ни к свободе, ни к справедливости. С другой стороны, нетрудно заметить, что обратной стороной стабильности и повторяемости проблем, кочующих из одного послания в другое, является их не менее стабильная нерешаемость.

Тем не менее из года в год беспроблемная риторика «здорового смысла» совершенствуется. Так, из текстов посланий максимально исключается пафосная и идеологическая политическая риторика. Отсюда «смелая» финансовая и временная оцифровка президентских инициатив по программам «доступного жилья», росту пенсий, пособий на детей и т.п. Здесь Президент отказывается от роли идеологического субъекта. Напротив, как эффективный популист он выступает в качестве зеркала, которое лишь отражает массовые ожидания, актуальный запрос общества на определенные идейные высказывания. Таким образом, Президент скорее не определяет, но пассивно следует актуальной повестке дня. Кстати, именно поэтому все значительные проекты Кремля негативны и реактивны по принципу «анти»: антифашизм, антиолигархизм, антиоранжевая антиреволюция, антитерроризм, антиамериканизм и т.д.

2002 г. *«Подчеркну, что российская внешняя политика и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично исходя из наших возможностей и национальных интересов...»*

2003 г. *«Я убежден: без консолидации хотя бы вокруг базовых общенациональных ценностей и задач противостоять этим угрозам будет невозможно».*

2005 г. *«...Только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты; ...соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено никем иным, как государством».*

Вместо понятий идеологического ряда в посланиях, как правило, используются эвфемизмы идеологических терминов — развитие, комфорт, прагматизм, безопасность, стабильность, консолидация, цивилизованность. Вопреки заверениям Президента о реформах эти понятия определенно указывают на консервацию политического статус-кво и удовлетворенность.

Сведение политики к администрированию и управлению приводит в семантическом поле к тому, что доминировать в идейном пространстве посланий начинают ситуативный популизм и тактический прагматизм, лишенные жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность идеологически нейтральных терминов во властной ри-

торике — оптимизация, эффективность, развитие, модернизация, совершенствование и т.д. Наиболее часто идеологическая риторика употребляется в год выборов, когда Президент должен обновить и предъявить обществу новые политические символы. И все же частота употреблений классических идеологических терминов в тексте посланий гораздо ниже, чем идеологических эвфемизмов.

Таблица 3

**Частота использования идеологических терминов
в посланиях Президента России**

Год	Свобода	Справедливость
2000	24	2
2001	8	6
2002	7	0
2003	7	0
2004	8	1
2005	31	17
2006	2	1
2007	4	1
2008	29	12
2009	10	3

Таблица 4

**Частота использования идеологических эвфемизмов
в посланиях Президента России**

Год	Развитие	Эффективность	Стабильность
2000	27	14	3
2001	16	19	8
2002	17	16	8
2003	23	10	5
2004	33	12	8
2005	31	10	5
2006	33	15	5
2007	40	18	6
2008	32	16	9
2009	41	21	9

Вместе с тем послание 2005 г. свидетельствует о запросе на реидеологизацию политики. В нем идеологическая риторика (лишь *однажды*) по частоте употребления превосходит технологическую терминологию

бизнес-управления. Характерно, что классические идеологические антагонисты, такие как справедливость и свобода, часто употребляются в послании с использованием союза «и», выступая как синонимы. Второй подъем интереса к необходимости формулирования внятной идеологической позиции в условиях структурного кризиса, связанного в том числе с предшествующим направлением развития, проявлен в послании Д. Медведева в 2008 г. (Предшествующее ему предкризисное послание 2007 г. стало лидером именно по риторике «развития»). Однако в 2009 г. произошел новый возврат к риторике развития, совмещенный с отказом от формулирования какой-либо последовательной идеологической позиции.

Впервые серьезный интерес к фундаментальной политической проблематике общественной справедливости выражен в послании Президента в 2005 г. В послании-2005 г. предпринимаются первые попытки отразить социальные трансформации общества в новейшей российской истории. Это отвечает общему изменению интересов общества, которое начало сознавать явный раскол между выдвигаемыми различными социальными группами приоритетами государственной политики и образами желаемого социально-политического устройства страны. Выход общества из глубокого экономического кризиса, относительная стабильность и благополучие заставляют задуматься на фундаментальные, вечные политические темы о сути общественного устройства в России, о том, каким оно должно быть. Условная стабильность, связанная с благоприятной экономической конъюнктурой, но описываемая критиками президента как новый застой, создает условия для нравственной и критической рефлексии относительно современной российской политики. Собственно, искомый дискурс справедливости и призывает к подобной рефлексии. Интегральные основания справедливости советского общества дискредитированы, а легитимных в глазах большинства населения оснований постсоветского социально-политического устройства общества до сих пор не возникло.

Таким образом, основания постсоветского режима лишь «поверхностно легальны» и «стабильно нестабильны», так как испытываются на прочность любыми непопулярными социальными реформами. Тем не менее спонтанные варианты подходов и представлений, претендующих на роль «всеобщих» и «самоочевидных», начинают все активнее апробироваться элитой в политической риторике.

Справедливость, по мнению Президента, реализуется в свободном обществе законопослушных граждан. Причем непонятно, что является условием, а что следствием: законопослушность или свобода. Большинство классиков определяют в качестве условия свободы не зако-

нопопслушность, а право народа на восстание против несправедливых законов. Сомнительно, что в изменяющемся российском обществе законопослушность станет основанием интегральной концепции справедливости, которая удовлетворяла бы основные слои населения. Единственной вариацией на тему справедливости является ее определение в посланиях как равенство возможностей в противовес несправедливой «уравниловке». Во всех остальных случаях справедливость употребляется как слово, нагруженное позитивными коннотациями, без какого-либо уточнения содержания понятия. Контекст словоупотребления сводится к тому, что справедливость нужна везде и всем — и это само по себе хорошо. Но справедливость бывает разной, представляя собой лишь определенное соотношение благ, возможностей и историческую иерархию ценностей. Однако проблема наполнения концепта справедливости идейным содержанием и соответственно вся проблематика достижения социальной справедливости как раз остается за скобками посланий.

Понятие свободы в посланиях также упрощено до модного и актуального слова-эвфемизма с максимальной позитивной смысловой коннотацией. Свобода приобретает здесь статус базового и самоочевидного политического символа веры, употребляется наиболее интенсивно в сравнении с другими ценностями. Вместе с тем она не получает в посланиях категориальной ясности. Свобода интерпретируется как главная ценность и достижение властвующей элиты, из которой выводятся все остальные блага — демократия, выборы, гражданское общество, свобода предпринимательства и т.д.

В результате профанизации и технологизации ценностей Россия сегодня не тот регион, где вырабатываются универсальные ценности-правила, пригодные для глобального мира. Наоборот, как в конфликтной модели, производится противопоставление одних заведомо частных и особенных ценностей другим, которые приписываются чужим-иным акторам внутренней и международной политики. Моральная оценка уже заранее заложена в эти ценности, поэтому диалог с любыми инакомыслящими, представляющими альтернативные позиции и изображаемыми в качестве врагов-оппонентов, невозможен.

2007 г. *«Хотел бы отметить, что духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи — когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. ...Мы должны и будем опираться на базовые ценности»*

вые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю».

Отсутствие общественного договора, который так и не был предложен властными элитами обществу в постсоветский период, Президент подменяет ссылкой на извечные моральные ценности. То есть то, с чем никто и не собирался спорить внутри текущей российской политики. Но эти традиционные моральные ценности не могут напрямую быть основой общественного договора, поскольку важны не сами по себе, а то, **как** они концептуально реализуются в **данном** политическом сообществе, на основе принципов свободы, справедливости, прав и обязанностей граждан.

Ключевые позиции в современной политике формулируются в свете идейных концепций и условий совместного проживания не людей вообще, но граждан данного государства-нации, а вовсе не на основе «уважения к истории» и почитания христианских заповедей или заветов предков (исторические деятели тоже были разных взглядов). Что, кстати, так и не сделало современную Россию политически единой, несмотря на общность моральных ценностей, выработанных ее 1000-летней историей. О каких ценностях и концепциях идет речь, а их за означенный период было выработано много — в том числе принципиально антиномичных друг другу — Президент не раскрывает: «православие, самодержавие, народность», «построение социализма и бесклассового общества», «суверенная демократия», национализм и т.д. Считается, что общие ценности «есть» и самоочевидны для адресатов. Но это, по сути, равнозначно их отсутствию.

В конечном счете, собственно «политическое» в тексте посланий постоянно оказывается эрзацем либо правового, либо экономического пространств. Политика оказывается либо «диктатурой закона» и подпространством права, либо регулирующей надстройкой над экономикой, либо сводится к чему-то вроде корпоративного администрирования компанией ООО «Россия».

Код времени: прошлое-настоящее-будущее

Отношение политика ко времени определено сущностью «политического»: политик не консервирует настоящее (в нормах закона), как юрист, и не интерпретирует прошлое, как историк. Истинный политик создает то, чего еще нет — будущее. В текстах посланий присутствует очень много настоящего, но практически нет прошлого и образа будущего России.

Президент констатирует переходный характер российского общества, но избегает говорить определенно: от чего и к чему Россия пере-

ходит, в чем суть происходящих с ней «неоднозначных» трансформаций.

Будущее интерпретируется в текстах посланий лишь как длящееся до бесконечности настоящее, постепенно освобождаемое от присущих ему сегодня недостатков. Будущее — лишь немного улучшенное настоящее, одобренное прошлыми достижениями, тем, что накоплено европейской историей. Главная задача сводится к ремонту и ретушированию настоящего, которое продлится вечно, так как основано на всеобщих и финальных социально-политических ценностях. Но является ли всемирное торжество либеральной демократии действительным концом истории? Даже американский политолог Ф. Фукуяма, писавший в свое время о «конце истории», признает, что поспешил с выводами¹.

Послания консервативны: изменяться (реформироваться) России необходимо только в связи со сложившимися обстоятельствами, а не для достижения безусловных по отношению к обстоятельствам целей. Иными словами, в посланиях приветствуются только реактивные изменения, в то время как необходимость прогрессивных перемен, детерминированных целями, в посланиях просто отсутствует. Будущее не нужно властвующей российской элите, ее полностью устраивает настоящее. Соответственно, итоги реформ и приватизации пересмотру не подлежат, а стабильность приобретает статус главной политической ценности. Будущее в посланиях существует лишь ближайшее, описываемое через сиюминутные цели. Например, исполнение большинства поручений, которые Президент дает по ходу посланий Правительству РФ, рассчитано на ближайшие недели, месяцы, максимум на год. Послания Президента больше ориентированы на текущую информационную повестку, нежели на стратегическое планирование на 5–10 лет вперед.

С другой стороны, в посланиях свертывается и история. Например, весь советский период в посланиях вычеркнут путем символической отмены праздника Великой Октябрьской революции (7 ноября) и «десоветизации» Великой Отечественной войны. Советский период сводится к крушению СССР — «геополитическая катастрофа», а досоветский период вообще не упоминается. Очевидно, что любое государство, любой народ обретает единство благодаря осознанию главных событий своей истории. В период СССР общность советского народа конструировалась вокруг двух ключевых событий, имевших судьбоносное значение для российской нации: Великая Октябрьская

---

¹ См.: Фукуяма Ф. Жизнь после истории (WWW — документ, 11.11.2005) // URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-03-18/fukuya.htm.

революция и Великая Отечественная война. Сейчас Октябрьской революции отказано в качестве одного из главных объединяющих символов нации. Но отвергая что-то, необходимо предлагать нечто взамен. Этого не произошло. Оказалось, что история досоветского периода не содержит таких событий, которые могли бы восполнить символический вакуум, оставшийся после отвергнутой в качестве официального праздника Революции.

Вместе с тем нищета предлагаемых политических символов настоящего и будущего вынуждает искать опору в прошлом. В результате новой постсоветской российской элите не остается ничего иного, как сводить символическое объединение российской нации к одному-единственному событию в богатейшей российской истории — Великой Отечественной войне. Соответственно в последнее время можно четко проследить, что она начинает приобретать в историографии современной России такое же значение, как и рождение Христа в христианской хронологии. Интенсивность обращения к теме Великой Отечественной войны и частота ее упоминания возрастает до немислимых размеров. Все, что так или иначе связано с нею, приобретает черты сакральности. Ложность такой опоры на прошлое заключается в лицемерии его реанимации в качестве настоящего. Великая Отечественная война не развивается в сознании людей как грандиозное событие. Его тиражирование и круглогодичная эксплуатация лишь выхолащивает это событие, превращают в симулякр и профанизацию, в мертвую точку, которая не производит плодотворных изменений. Получается, что Великая Победа стягивает, свертывает всю историю России в одну точку, которая существует как бы сама по себе, вне контекста. Это легко объясняется: ведь сегодня неприемлем тот советский контекст, в котором произошло событие. Диагноз: кризис национальной идентичности. Смогут ли власть легитимировать себя как преемника всей российской истории, представить ее как континуум. Российская история остается фундаментально расколота — отсюда популярность криптоистории, альтернативной истории, исторических фэнтези. Стоит отметить, что только «отпустив» прошлое, можно действительно опереться на него, сделав материалом для лепки настоящего.

Таким образом, временной код закольцован в посланиях на «вечное настоящее». «Прекрасное далеко» описывается в посланиях только как дрящущее до бесконечности настоящее. Соответственно, политические и социальные утопии начинают черпаться не во времени, а в пространстве. Апелляция к параллельно существующему «цивилизованному миру» используется в качестве субститута собственного будущего, которое уже существует рядом, «здесь и сейчас» как «пост-современность». Однако российская элита не замахивается на прорыв

в постсовременность, она лишь хотела бы олицетворять спокойную и понятную для нее современность, обогащенную историческим «европейским опытом» и его «лучшими образцами», современность, которая расценивается как нечто безусловно положительное. При этом интерпретация современности в целом представлена в посланиях Президента весьма смутно и неуловимо. Президент самоустраняется от перманентной и глобальной борьбы альтернативных версий за образ «современности», являющийся одним из наиболее идеологизированных понятий в социальных науках.

Безусловно, Президент не против «перемен к лучшему» и даже допускает разнообразие видений этих перемен в обществе. Но при этом только Кремль и властные элиты «знают, как этого добиться», и считают себя обязанными убедить в этом «недопонимающее» по разным причинам своего блага остальное общество. Вместо демократии и общественного диалога возникает модель «просвещения», работающая в одну сторону. Сознательное противопоставление альтернатив и образов будущего России со стороны оппозиции квалифицирует ее почти как внутреннего врага, посягнувшего на объективные истины, на монополию в интерпретации социальных «универсалий», закрепленную за властной элитой.

Код цели

Код цели предполагает наличие в посланиях Президента системной политической телеологии, целей, которые необходимо достичь в первую очередь. Поэтому они обуславливают избранный политический курс в целом. Речь идет об «идеальном российском обществе», к которому страна приблизится в результате реализации целей, приоритетов и задач актуальной государственной политики. При этом через код цели дополнительно раскрывается образ желаемого будущего России.

2000 г. *«Их [людей] благополучие и достойная жизнь — главная задача власти. Любой!»*

России нужна экономическая система, которая конкурентоспособна, эффективна, социально справедлива, которая обеспечивает стабильное политическое развитие.

...Обеспечить защиту прав собственности... обеспечение равенства условий конкуренции... освобождение предпринимателей от административного гнета... снижение налогового бремени... Сегодня мы прежде всего ставим задачу наведения порядка в органах власти...»

2002 г. *«Наши цели неизменны: демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное — повышение уровня жизни нашего народа.»*

Убежден: развитие российской экономики возможно лишь при ориентации на жесткие требования мирового рынка, на завоевание в нем своих собственных новых ниш».

2003 г. *«За десятилетие мы должны как минимум удвоить валовой внутренний продукт страны. Удвоение ВВП — это системная и, конечно же, масштабная задача».*

2004 г. *«Наши цели абсолютно ясны. Это — высокий уровень жизни в стране, жизни — безопасной, свободной и комфортной. Это — зрелая демократия и развитое гражданское общество. Считаю, что создание в России свободного общества свободных людей — это самая главная наша задача».*

...Более того, при сохранении таких темпов мы смогли бы удвоить ВВП на душу населения не за десять лет, а уже к 2010 году. Члены Правительства тоже аплодируют, значит, они с этим согласны».

2005 г. *«Считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов бюджетников в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты бюджетников должны расти как минимум в полтора раза быстрее, чем цены на потребительские товары».*

Следующая по значимости крупная задача в сфере государственного строительства — это укрепление Федерации. При этом главный результат, которого мы добиваемся, — это построение эффективного государства в существующих границах».

2006 г. *«Современной России нужен беспрепятственный выход со всей своей продукцией на международные рынки. Для нас это — вопрос более рационального участия в международном разделении труда, вопрос получения полноценных выгод от интеграции в мировую экономику. Именно с этой целью мы продолжаем вести переговоры о присоединении к Всемирной торговой организации».*

Хочу, однако, подчеркнуть: средства, выделяемые на реализацию национальных проектов, составляют всего пять-семь процентов от объема государственного финансирования этих отраслей».

Первое, что бросается в глаза: любые реформы (под ними понимаются изменения, инициируемые политической элитой) рассматриваются в тексте посланий как самоцель и самоценность. «Реформы» за постсоветский период превратились в российской политике в безусловное высшее благо — «*sumnum bonum*», а их отсутствие автоматически начинает ассоциироваться с застоем и имеет негативные смысловые коннотации. Стоит убрать слово «реформа» из постсоветского политического лексикона — и код цели станет проблемой. «Цель ничто, реформа всё» — таков релятивный код целеполагания в текстах посланий, маскирующий отсутствие безусловных целей и дефицит базовых смыслов в актуальной политической повестке дня.

Призыв и просто апелляция к трансцендентным утопическим горизонтам будущего и возможного в текстах посланий принципиально отсутствует. Президент призывает к «реалистичной социальной политике», суть которой в том, что «политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна». «Реализм» выражается в том, что текущая политика в текстах посланий максимально «приземляется» (профанизируется) и количественно «оцифровывается», отождествляется с администрированием и управлением. Цели и задачи, заявленные в посланиях, также предельно «земные»: комфорт, благополучие, достаток, благосостояние, рост доходов и т.п. При этом амбициозные и широко разрекламированные «национальные проекты» финансируются в объеме меньшем (5–7%), чем съедает индекс инфляции (13–20%) в соответствующих областях «проектирования». По сути это суммы в пределах статистической погрешности, которые не оказывают влияния на финальный результат. Такова реальная цена «спецпроектов» кремлевской элиты.

Основной целью государственной политики становится «оптимизация» сложившегося статус-кво, когда все наличные политические конфликты выводятся за пределы «политического» и трактуются как абстрактные «конфликты бюджетов», «народа и нерадивой бюрократии», «чиновника и предпринимателя», а не реальных социальных групп.

Содержание целей и задач посланий во многом определяется их адресатом, которым является политико-экономическая элита как единственный реальный политический субъект. Хотя «от населения многое зависит», его главная добродетель — это законопослушание, что характерно для подданнического, а не для гражданского типа участия в политике.

Из этого вытекает основная проблема целеполагания посланий: интересы крупного бизнеса и чиновничества — это еще не национальный интерес, который не сводится ни к частным интересам «административной ренты» номенклатуры, ни к сокращению издержек крупного производства за счет «снижения налогового бремени» и жизненных интересов «людей труда», наемных работников. Более того, агрегированный национальный интерес (93% россиян — наемные работники) обычно противоречит интересам крупного бизнеса (вывод спорных активов за границу, укрывательство доходов в оффшорах, «серые зарплаты», плоская шкала налогов и т.д.).

Таким образом, деполитизация национального интереса ведет к мелкотемью техническим и банально самоочевидным задач по принципу «мы за всё хорошее»: удвоить ВВП, наладить «конструктивные»

отношения элит различного уровня, снизить уровень преступности, смертности, наркомании, беспризорности, бедности и т.д., увеличив, соответственно, рождаемость, безопасность, здоровье, продолжительность жизни, уровень потребления, свободы и справедливости. Вместе с тем политическая элита спинным мозгом чувствует свою зыбкость и институциональную непрочность. Но программа развития России, отвечающая на вопрос «как это сделать», в посланиях отсутствует.

Идеалы посланий сводятся к нормам, которые черпаются в стандартах и образе жизни так называемых «развитых стран». Отсюда конкретность, приземленный прагматизм, имперская и охранительная риторика, играющая на руку лишь номенклатуре, но не обществу в целом. Это свидетельствует о том, что элите действительно особо нечего сказать народу в условиях ее глубокого удовлетворения статус-кво. Но такое самоуспокоение и бездействие — прагматизм на глиняных ногах. Статус-кво России в качестве сырьевого придатка глобальной экономики, возможно, и является ее нормальной ролью в глазах «цивилизованных стран», контролирующих эту экономику, но он не может оставаться таковым для России. А изменить это статус-кво может только дискурс перемен, предполагающий преодоление господствующего статус-кво.

*Опора на моральные авторитеты:
особенности национального цитирования*

Важным подтверждением наличия острого дефицита легитимности является характер селекции авторов, которые должны играть роль моральных авторитетов и ориентиров для всей нации, репрезентировать ее культурный и интеллектуальный капитал, наивысшие достижения, имеющие безусловную мировую значимость.

2008 г. *«И хотел бы привести слова Петра Столыпина...»*

«И как справедливо заметил еще дореволюционный специалист по государственному праву Николай Коркунов...»

«...утверждал известный русский правовед Борис Чичерин...»

«...нельзя забывать слова известного экономиста Василия Леонтьева...»

Выбор цитат в посланиях указывает на то, что постсоветская политическая элита в силу очевидных причин испытывает острый дефицит в современных ей отечественных моральных авторитетах. С одной стороны, мэтры советского обществознания, зачинщики перестройки, как и антикоммунисты, диссиденты и младолибералы горбачевско-ельцинского периода идейно обанкротились. С другой — советских авторитетов элита «капиталистических плохишей» стесняется

или боится цитировать в силу их все возрастающей актуальности по мере «капитализации» общественных отношений в России.

Анализ ссылок на легитимирующие авторитеты позволяет сделать ряд выводов. Современные российские обществоведы (они же в массе своей «бывшие советские») из-за отсутствия у них символического капитала внутри и вне страны не цитируются властью в принципе. Цитирование в целом носит бессистемный и ситуативный характер. В качестве духовных лидеров в посланиях Путина—Медведева упоминаются люди из разных исторических эпох и политических лагерей. В основном набор ссылок и цитат ограничен деятелями второй половины XIX — начала XX в. как чуть ли не «золотого века» России: П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, И.А. Ильин и другие. При этом полностью игнорируется весь советский период, из которого вышло нынешнее российское общество и его элиты.

На период существования СССР и «провальные» 1990-е гг. в текстах и речах российских политиков XXI в. наложено стыдливое и молчаливое табу. Это само по себе может рассматриваться как признак духовного нездоровья правящей элиты, не доверяющей собственным интеллектуалам и обществоведам в области диагностики и прогностики современного российского общества и в то же время утверждающей об «аутентичности» России, ее «менталитете», «самобытной истории», «невоспроизводимой идентичности», требующих особых подходов.

В связи с актуальным кризисом неолиберальных рецептов российским элитам не остается ничего иного, кроме как все чаще подчеркивать, что при всей глобальности таких политических ценностей, как капитализм, демократия, справедливость, права человека и т.д., каждая страна может реализовать их эффективно в институциональном плане только по национальным рецептам. И эти рецепты должны быть выработаны в самой стране, а не где-то вовне. Отсюда возникает естественный соблазн великодержавной и националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью новой апологии «своего пути» России. С другой стороны, странно, почему для обоснования подобной позиции выбираются либо эмигранты, либо зарубежные интеллектуалы, которые наблюдали и наблюдают Россию как раз издали и «извне», не будучи включенными в реальные политические процессы.

Заместитель главы Администрации Президента России Владислав Сурков обоснованно замечает: «Отметим с сожалением... что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий — “постиндустриальное общество”, “конец истории”, “плоский мир”,

“цивилизация третьей волны” и проч. — нет ни одного российского происхождения»¹.

В результате возникает вакуум российской истории. Постсоветский период «до Путина» дискредитирован в общественном мнении. Советский период стянулся до одного легального события — Великой Отечественной войны. Досоветская история практически утратила связь с современностью, несмотря на попытки введения новых праздников, например, путем сомнительной замены Великой Октябрьской революции (7 ноября) на «День Сусанина» (4 ноября).

Символически объединить советский, до- и постсоветские периоды в единую версию российской истории у правящей элиты не получается. Соответственно авторитеты, привлекаемые и упоминаемые для легитимации политической современности России, зачастую периферийны и маргинальны (интеллектуальные эмигранты — В. Леонтьев, Н.А. Бердяев), либо «раскручены» противниками СССР периода «холодной войны» (А. Солженицын, И. Бродский), либо являются «западными экспертами», продвигающими западные же ценности в качестве универсальных — Ф. Фукуяма, Д. Белл, Э. Качинс, М. Фридман и другие.

За рамками политических текстов остается основной пласт реальных деятелей российской истории (Дмитрий Донской, Иван III, Александр II), ученых (М. Ломоносов, Н. Пирогов, Д. Менделеев, И. Мечников, Н. Кондратьев, А. Чайнов, И. Павлов, М. Лобачевский и другие), конструкторов (А. Попов, В. Звoryкин, М. Калашников, А. Сахаров, С. Королев и другие), писателей (только из советского периода — М. Горький, М. Шолохов, В. Астафьев, В. Распутин и другие), обладающих реальным легитимирующим потенциалом, но идеологически избегаемых «ограниченным» политическим истеблишментом.

Тем не менее отсутствие легитимной для всего российского общества версии истории и иерархии авторитетов, как в период СССР, не означает, что проблема социальной интеграции расколотого общества и обеспечения «общего блага» не волнует постсоветскую элиту. Хотя бы потому, что это прямо связано с легитимностью правящих элит, крупной собственности и стабильностью политического режима в целом. Основная проблема видится в том, что неустойчивый, но тем не менее работающий дискурс «нормального общества потребления», базирующийся на обманчиво самоочевидных аксиомах здравого смысла и как бы не нуждающийся в отсылках к трансцендентному, то есть к истории, морали, идеологии, стал предметом социального

¹ Сурков В. Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. № 7. С. 17.

консенсуса, его глубинной основой. Споры ведутся лишь о справедливости уровней потребления внутри общества. Кому и сколько позволено потреблять. Однако легитимность подобного положения дел, не опирающегося ни на интегрирующую российское общество версию истории, ни на идеологические построения, ни на проекты и образы будущего, ни на преемственность символов и авторитетов, но лишь на «вечное настоящее» — весьма шатка.

«Универсальный рецепт» Президента

С позиций контент-анализа универсальный алгоритм действий Кремля сводится к тому, чтобы:

гармонизировать,
 оптимизировать,
 модернизировать,
 адаптировать,
 упростить,
 вывести на самокупаемость,
 стабилизировать и «нормализовать»,
 сократить ненужные (избыточные) функции,
 сделать «прозрачным» и эффективным,
 мобильным и компактным,
 конкурентоспособным и гибким.

Таков всеобщий алгоритм любых реформ, предлагаемый в текстах посланий для всех институтов российского общества — армии, здравоохранения, сферы ЖКХ, науки, образования, экономики, госаппарата и т.д. Нетрудно заметить, что сложные социальные феномены и процессы предстают здесь как аналоги технических устройств, которые необходимо наладить так, чтобы они работали сами по себе, никому не мешая и не беспокоя, но в то же время обеспечивая власти и обществу сервис и комфорт. Политик здесь подобен аварийной службе, которая вмешивается в политический механизм, когда последний ломается. Как только механизм начинает работать автономно, политик самоустраивается.

Кроме того, в «универсальном рецепте» явно просматривается «биологизация социального». Развитие общества и его институтов представляется в виде адаптации к периодическим неблагоприятным изменениям во внешней среде. Между тем в биологии механизм адаптации предполагает, как правило, функциональное упрощение организма, его примитивизацию и регресс. В посланиях России предлагается перенимать «универсальные» ценности и институты, опробованные историческим опытом других стран, так как *«мы не изобретаем*

никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей» (послание-2005), или адаптироваться к ВТО, благодаря чему «мы будем сами создавать... лучшие образцы» (послание-2002) и «осваивать высвобождаемые в мировой экономике ниши» (послание-2008). Иными словами, эффективные идеи и «универсальные рецепты» черпаются для посланий откуда угодно, только не из аутентичной российской истории или нынешнего состояния страны.

Риторика как паллиатив идеологии

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем» и социальных смыслов (за пределами привычных структур повседневности) являются речи, произносимые политиками в пространстве масс-медиа. При этом логика смысла рационализирующих политику современных идеологий уступает место модели политического мифа. Политическая риторика в переходном обществе является одним из главных средств при создании новых идентичностей и смыслов. Соответственно послания Президента являются существенным элементом конструирования новой социальной реальности, порождая новые смыслы, а следовательно, и онтологические изменения в социуме.

Послания Президента не содержат системного идеологического кода. В свое время привычные идеологии отражали социально-политическую реальность Модерна, индустриального общества, стратифицированного на реальные социальные классы. Сегодня же в глобальном масштабе происходит не что иное, как радикальная «индивидуализация» современного общества, стирание привычных структур и процессов социальной стратификации, усиление взаимозависимости внешней и внутренней политики, «отмена географии» (З. Бауман)¹. Эти процессы дополнительно катализируются не менее решительным экономическим выравниванием возможностей людей, кампаний и регионов в новом «плоском мире» всеобщей конкуренции/сотрудничества (Т. Фридман)². В потребительском обществе на смену группам интересов приходят группы населения. Идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет эффективность риторики, связанной с технологиями фрагментации общества, вместо его классической идеологической интеграции с позиций того или иного

¹ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. С. 23–25; см. также: Он же. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

² См.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007.

«классового интереса», претендующего на общезначимость. Президент в посланиях оперирует более низким и «как бы» самоочевидным уровнем «здравого смысла». Из-за идеологической выхолащенности тексты посланий неизбежно превращаются в своего рода апологию «здравого смысла». При этом многие самоочевидности посланий вовсе не «очевидны», а, наоборот, субъективны и контекстуальны. Деидеологизированная риторика оказалась весьма слабым средством для достижения главных целей посланий:

а) объяснения фундаментальных целей существования российского общества: «для чего живем!» и «как будем жить!» — поскольку эти вопросы требуют проективно-утопического элемента мышления;

б) для обеспечения легитимации нынешнего общественного порядка с помощью общенациональных целей и ценностей, выявления внешних и внутренних угроз существованию российской нации, а также с помощью ее социально-политических идеалов, в соответствии с которыми необходимо проводить текущую политику.

Таким образом, вся идеологическая архитектура посланий сводится к ситуативному прагматизму, выраженному в эконометрических референциях: удвоение ВВП, повышение зарплат, снижение инфляции и т.п. В них отсутствует политическое «утопическое» как таковое. Послания демонстрируют отсутствие идеологической проективности мышления, столь характерной для Модерна. Существующая в обществе на массовом уровне ностальгия по модерновому «времени идеологий» компенсируется «вне постмодернистской политики» — жанром фантастики, альтернативной и крипто-историей¹.

Соответственно эрзацем модерновой идеологии в «состоянии постмодерна» в посланиях Президента становится технологический популизм. В его основе лежит превращение когда-то абсолютных идеологических ценностей в технологическое средство. Популизм нацелен на конкретный результат, а не на доказательство «всесильных и единственно верных» идеологических истин. В посланиях доминирует тактический прагматизм, лишенный жесткого идеологического каркаса. Отсюда популярность идеологически нейтральных, «технических» терминов оптимизации, эффективности, толерантности и т.п. Послания демонстрируют желание властвующей элиты встать над идеологической схваткой, а не выиграть ее. Это признак слабости, так как стремление угодить всем «сегментам электората» (социальным, этническим, конфессиональным, возрастным) оборачивается невозможностью выйти на уровень национального (гражданского) интереса всех жителей России.

¹ См.: *Фишман Л.Г.* Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.

Риторика посланий в условиях трансформации российского политического режима фактически превратилась в заполнитель объясняющих и легитимирующих власть смысловых «лакун», которые возникают вследствие радикального расхождения институционального дизайна и официального дискурса элит, с одной стороны, и реальной политической практики — с другой. Испытывая трудности с объяснением фундаментальных политических смыслов, риторика посланий невольно начинает «проговаривать больше, чем говорит», поскольку «уже» или «еще» нет тех общепризнанных, интегральных идей и институтов, которые задают собственную логику вещей в политике «стабильных обществ», независимую от актуальных колебаний «генеральной линии».

Тексты посланий подтверждают гипотезу, что любому, в том числе постсоветскому политическому режиму России, как неизбежная «травма рождения», присуща абсолютизация своего первоначального институционального и идеологического дизайна. Этот дизайн удовлетворяет элиту, но не общество в целом. Соответственно политическая риторика посланий становится своего рода «виртуальным конструктором» для укрепления и стабилизации новых политических идентичностей в системе статус-кво. Однако властвующая элита не спешит предложить новый общественный договор, легитимные основания которого так и не были выработаны в постсоветский период.

Паллиативом нового общественного договора стал консенсус властных элит. Однако существуют сомнения, способен ли этот паллиатив выдержать проверку на прочность и легитимность во времена перемен и кризисов. Например, в послании-2007 прямо говорится, что в цикле выборов в Госдуму РФ и Президента России (декабрь 2007 — весна 2008) *«фактически будет решаться вопрос о преемственности государственной политики»*. Здесь логика свободного и непредсказуемого выбора народа в демократическом обществе элегантно подменяется проблемой преемничества: не «кто вообще будет принимать легитимные решения», а «кто будет **продолжать** принимать решения».

Непонятен и сам источник априорной уверенности, что народ одобрит продолжение нынешнего курса, а не альтернативу. Естественно, что в условиях «управляемой демократии» голосование является лишь технической легитимацией уже принятых элитой решений. И все же властные элиты не могут не понимать простой вещи: то, что политически бессубъектное население принимает навязанные правила игры, не означает, что оно их действительно разделяет. Именно здесь проходит тонкая грань между формальной легальностью всей совокупности «законного насилия» данного политического режима, и его легитимностью, то есть принятием населением ценностей и целей, лежащих в основе этого государственного принуждения.

Даже при положительных смысловых коннотациях понятия «реформа» сами реальные изменения в обществе или даже возможность таких трактуются в посланиях, по сути дела, как нечто отрицательное: реформы нужны лишь для того, чтобы укрепить контроль элит над настоящим. Поэтому единственным субъектом «реформ» выступает правящая элита. Принципиальные общественные трансформации с участием большинства населения угрожают политической автономии элиты. Реальные изменения предполагают пробуждение политической субъектности масс, которая в условиях демократического процесса непредсказуема, а потому опасна для властвующей элиты. Соответственно, тексты посланий скорее искусно симулируют, нежели подтверждают желательность перемен и стремление Президента к серьезным общественным реформам.

Тексты обращений Президента указывают и на то, что элиты до сих пор не создали новых интегральных символов нации. Такие символы, как свобода, демократия, рынок, конкуренция оказались слишком абстрактными для массового адресата, чтобы стать одной из легитимирующих опор проводимого политического курса. В то же время активное вытеснение старых символов превращается в неуклюжий отказ от российской истории советского периода, сохраняющий ее расколотость. В результате политическая элита оказывается отчасти в созданном ее же усилиями смысловом вакууме — символическом и историческом.

Вакуум смыслов усугубляет нестабильность фундамента политического режима современной России. Этот режим все еще находится в стадии трансформации «от СССР к России», в свою очередь накладывающейся на глобальный транзит страны к постиндустриальному, «информационному обществу». «Нестабильная стабильность» России обязана сегодня своей устойчивостью скорее переменчивым внешним факторам, неустойчивой точкой равновесия, чем найденным властными элитами «рецептом стабильности». По существу, в посланиях не предложена даже попытка создания такого рецепта. Поэтому «инерционная» стабильность может быть в ближайшем будущем взорвана рядом накопленных в обществе внутренних конфликтов, которые порождены резкой поляризацией населения по разным основаниям (идеологическим, экономическим, поколенческим и т.д.), а также отсутствием в нынешней России интегрального дискурса социальной справедливости, разделяемой большинством населения. При этом проблема социальной справедливости вовсе не сводима, как это делается в посланиях, ни к уровню жизни, ни к проблемам комфорта и материального благополучия, имея во многом субъективный, нравственный стержень, который мало соотносим с «планом сущего» политики.

Таким образом, стабильность российского общества не фундаментальная. В нем подспудно нарастают отложенные ожидания, протесты, неудовлетворенные надежды. Благодаря явному улучшению экономического положения России в 2000-е гг., рапортам властей всех уровней о пополнении золотовалютных резервов и экономическом росте, в значительной части общества происходит психологическая эскалация ожиданий благ от государства, которое «должно поделиться». Эти ожидания государством не исполняются, либо осуществляются в раздражающей форме, охватывая незначительную часть населения (нацпроекты).

В результате, как отмечает В. Федоров, «большинство россиян полагают, что наше сегодняшнее общественное устройство несправедливо. Оно в меньшей степени отвечает их понятиям о норме, чем советский уравнилельный социализм. С этим обстоятельством люди мирятся. Революционные настроения, стремление «взять и все поделить» — удел немногочисленных маргинальных групп... Но и массовой поддержкой, признанием моральности и справедливости существующий социальный порядок похвастаться не может. Такая ограниченная лояльность жителей нашей страны по отношению к ее общественному устройству представляет собой своеобразную мину замедленного действия, заложенную под российское государство... Стоит ли ждать, когда придет новый Савонарола и, используя энергию социального протеста, попытается разрушить российскую государственность?»¹.

В посланиях ни слова не говорится о внутренней политической оппозиции, влияние которой повсеместно стремится к нулю. Президент даже не считает важным реагировать на критику, альтернативные точки зрения политических оппонентов. Отсюда ощущение, что оппозиции в стране на самом деле нет, а страна вновь демонстрирует единство партии и беспартийных. Идеологическая полемика власти с утратившей влияние оппозицией становится как бы бессмысленной. И утрата влияния оказывается здесь более значимой причиной, чем ставшая вследствие этого неактуальной идейная окраска оппозиции, будь она левой или правой. Парадоксально, что единственным идеологическим субъектом в России остается именно Президент, в зависимости от актуальной повестки дня легко воспроизводящий в рамках всеядного идеологического прагматизма и консервативную, и либеральную, и патерналистскую, и патриотическую риторику, произвольно заимствуя ее у оппозиции и побеждая ее — «безгласную» и «безответную» — на ее же поле.

---

¹ Федоров В. Предчувствие Савонаролы // Взгляд от 24.01.2007. WWW-документ: <http://www.vz.ru/columns/2007/1/24/65660.html>.

Политический стиль посланий семантически «сглаживает», но отнюдь не выявляет, а тем более не «снимает» реальные социальные противоречия. Конфликты «заговариваются» либо просто «умалчиваются». В силу этого риторика посланий, как ни парадоксально, симптоматична для «последних времен», когда политическая элита не в состоянии разрешить накапливающиеся в обществе конфликты и противоречия, а новый политический субъект еще не вышел на сцену истории. Послания демонстрируют ситуацию постоянного откладывания стратегического выбора, сделать который России все равно рано или поздно придется. Проблема в том, что существует точка невозврата, после которой судьба России перестанет зависеть от ситуационного популизма и прагматизма, требуя решений «по существу», связанных с выработкой и реализацией новых оснований социальной справедливости в интересах всего общества. Старые основания, цементирующие советское общество, уже не сработают. Однако нового дискурса социальной справедливости (даже честной попытки выработки такового) в посланиях так и не было предложено.

Кроме того, создание отсутствующего ныне интегрального дискурса справедливости может стать лишь частью принципиально нового политического проекта или общественного договора, основания которого не были предложены элитой обществу в постсоветский период. Очевидно, что стимулом к подобной рефлексии и коррекции политического курса Кремля сегодня может быть только: а) реальная оппозиция, причем неважно какого идейного цвета; б) социально-экономический кризис; в) масштабный природный катаклизм (не дай Бог). В настоящее время эти стимулы отсутствуют. Дело в том, что: а) как никогда стабильно, за весь постсоветский период, экономическое положение России благодаря конъюнктуре мировых цен на энергоресурсы; б) распределение крупной собственности завершено, крупные «переды» остались в прошлом, политические и экономические элиты, власть и собственность едины, как монолит. Это «гасит» во властной элите стимулы и желание что-то менять к лучшему, поскольку для элиты лучше быть уже не может. В результате стране грозит участь остаться на периферии глобальной миросистемы.

6. Национализм нового типа?

Согласно И. Валлерстайну, либерализм, социализм и консерватизм являются идейной реакцией на капиталистическую миросистему и удовлетворяют социопсихологические потребности классов, со-